

Введенский А. И. Перелом в современном общественном сознании: [Из вступительной лекции перед началом чтений по систематической философии] // Богословский вестник 1911. Т. 1. № 1. С. 104–132 (3-я пагин.).

Переломъ въ современномъ общественномъ сознаниі ¹⁾.

Кто умѣетъ различать времена и знаменія, тотъ, безъ сомнѣнія, замѣтилъ, что за послѣдніе три-четыре года, въ нашемъ общественномъ сознаниі совершился крупный переломъ.

Когда я говорю о переломѣ въ общественномъ *сознаниі*, то разумѣю, конечно, не внѣшнія измѣненія въ общественно-государственномъ строѣ: какъ ни важны они сами по себѣ, по они все же касаются лишь формы жизни, но не самаго ея существа. Нѣтъ, я разумѣю измѣненія внутреннія,—измѣненія въ умонастроеніяхъ и склонностяхъ, духовныхъ притяженіяхъ и рѣшимостяхъ. Относительно-же ихъ употребляю выраженіе: „совершился переломъ“ въ самомъ прямомъ и собственномъ смыслѣ.

Не трудно, въ самомъ дѣлѣ, замѣтить, если пристально всмотрѣться въ жизнь, что за эти три-четыре года какъ бы пресѣклась линія нашего идейнаго развитія, потеряли обаяніе и власть надъ сознаниемъ нѣкоторые изъ недавнихъ лозунговъ, закрался въдушу какой-то, пусть пока еще безпредметный, скептицизмъ... Мы смущенно осматриваемся кругомъ и чувствуемъ, что—

Есть безтолковница,
Сонъ ужъ не тотъ,
Что-то готовится.
Кто-то идетъ...

И вотъ мы растерянно ищемъ новыхъ путей и новыхъ точекъ отправленія для мысли и дѣятельности.

¹⁾ Изъ вступительной лекціи (сказанной въ сентябрь 1910 г.).

Поэтому, я выражу свою основную мысль точнее и скажу теперь такъ: совершился переломъ въ нашемъ *мыслящемъ* сознаниі.

Исслѣдуемъ это сложное явленіе ближе.

Наука, современная историческая наука различаетъ въ движеніи жизни двѣ категоріи или два типа перемѣнъ: *эволютивныя* и *револютивныя*. Первыя совершаются медленно и осуществляются чрезъ постепенное нарастаніе маленькихъ измѣненій. Вторыя совершаются какъ бы внезапными толчками и скачками, изломами и переломами, иногда чрезвычайно бурными,—съ характеромъ, какъ говорятъ, „катастрофическимъ“. Однако, строгое различеніе, а тѣмъ болѣе разграниченіе этихъ двухъ категорій измѣненій возможно лишь съ отвлеченныхъ и общихъ точекъ зрѣнія. Въ дѣйствительности-же, въ живомъ историческомъ процессѣ, всѣ и всякія перемѣны относительны. Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда совершается перемѣна, повидимому, безспорно „катастрофическаго“ характера, внимательное изученіе условій ея совершенія всегда откроетъ наличность теченій эволютивныхъ, ея соопредѣляющихъ и, до нѣкоторой степени, нейтрализующихъ. И если мы, въ томъ или иномъ случаѣ, хотимъ поставить точный діагнозъ даннаго общественнаго измѣненія, то должны непременно учитывать факторы того и другого порядка,—револютивные и эволютивные.

Разъяснимъ это общее положеніе на частномъ примѣрѣ,—положимъ хоть на исторіи Французской революціи.

Послѣдователи Руссо, автора парадоксальной и утопичной, но горячо написанной книги *Соціальный договоръ*, которую тогда не стѣснялись называть „пятымъ евангеліемъ“,—головы горячія, отуманенныя мечтою о близкомъ, стоящемъ. быть можетъ уже „у дверей“, наступленіи всеобщаго земнаго рая,—при содѣйствіи другихъ утопистовъ различныхъ категорій и отѣнковъ, увлекаютъ за собою массы, производятъ страшное опустошеніе страны, наполняютъ землю ужасомъ, кровью и пламенемъ, столбы котораго достигали до небесъ. Совершилась такимъ образомъ соціальная катастрофа, въ прямомъ и собственномъ смыслѣ,—обвалъ вѣковой культуры и государственности. Но скоро вслѣдъ за тѣмъ началась такъ называемая „реакція“, а потомъ и „реставрація“. Какъ и откуда взялось это „встрѣчное“ теченіе? Безъ сом-

мнѣнія, не изъ ничего. Если мы всмотримся въ процессъ ближе, то увидимъ, что въ сущности, оно никогда не изыкало окончательно. Рядомъ съ „катастрофическими“ измѣненіями общественно-государственной жизни, гдѣ-то въ подпочвенныхъ глубинахъ общенароднаго сознанія продолжали свою, противоборствующую первымъ и вмѣстѣ глубоко органическую, созидательную работу силы „эволютивныя“, охранительныя и нейтрализующія. Такъ называемая „реакція“, съ этой точки зрѣнія, есть не что иное, какъ активное пробужденіе и проявленіе къ жизни, заявленіе себя протестомъ и оппозиціею, противъ революціонной вакханаліи, со стороны того, что прозябало и крѣпло въ душѣ каждаго, отъ мала до велика,—въ „народной душѣ“. Изъ столкновенія и взаимодействія этихъ ростковъ спокойной и здоровой жизни съ бурными и сокрушительными, образовалась какъ бы равнодѣйствующая, которая и ввела общественную жизнь въ новыя условія существованія и развитія. Когда утописты разочаровались въ своихъ утопіяхъ, они невольно должны были дать просторъ этимъ пренебреженнымъ силамъ мирнаго, эволютивнаго развитія и—тогда тѣмъ выше были оцѣнены положительныя, традиціонныя силы общественности.

Такимъ образомъ, даже это исключительное во всемірной исторіи событіе, потрясеніе воистину „міровое“,—даже и оно не было, въ сущности, полнымъ изломомъ жизни, такъ чтобы прошлое было совершенно отвергнуто и какъ бы перестало существовать, а началось бы совершенно и во всѣхъ отношеніяхъ новое. Нѣтъ,—этого мы вообще никогда и нигдѣ не наблюдаемъ въ исторіи, которая для высшаго, истинно философскаго анализа, всегда оказывается поставленною въ опредѣленную колею, связанною извѣстною закономѣрностію, корпю которой, какъ говорятъ философы, „трансцендентны“, то-есть превышаютъ мѣру всякой условности. Тѣмъ болѣе это справедливо относительно историческихъ переломовъ меньшаго объема и меньшей радикальности.

Въ періоды общественныхъ потрясеній люди, особенно умы робкіе, склонны думать, будто, вмѣстѣ съ ихъ спокойствіемъ и благополучіемъ, рушится весь міръ. Воспитавъ въ себѣ привычку все на свѣтѣ относить, прежде всего, къ самимъ себѣ и измѣрять мѣркою собственнаго благополучія, они, въ періоды историческихъ кризисовъ, съ наивностію эгои-

стовъ воображаютъ, будто жизнь „сорвалась съ своихъ петель“ окончательно и непоправимо. Но они забываютъ, что *законъ человеческой исторіи вѣтъ и выше исторіи, какъ и законъ міра вѣтъ и выше міра*: что нашъ общественный порядокъ, какъ и весь міропорядокъ, есть лишь часть и выраженіе міропорядка высшаго. Съ этой точки зрѣнія, всѣ и всяческія общественныя потрясенія, для умовъ мыслящихъ, способныхъ относиться къ явленіямъ вдумчиво и съ углубленіемъ, разсматривать ихъ *sub specie aeternitatis*, суть, прежде всего, задача, — задача, во-первыхъ, теоретическая, а потомъ нравственная. Понять, поставить возможно объективный и вѣрный діагнозъ смутившаго насъ событія, а потомъ поискать и, если можно, найти выходъ, путь къ исцѣленію недуга, всегда не только физическаго, но и нравственнаго, — вотъ требованія, въ которыя для умовъ вдумчивыхъ разрѣшается эта общая задача.

Если мы теперь, установивъ свою принципиальную точку зрѣнія, обратимся къ разсмотрѣнію того общественнаго движенія и, въ частности, движенія въ области мысли или, такъ называемой, идеологіи, которое, съ такою стремительною быстротою развернулось у насъ въ послѣднее время, то безъ особеннаго напряженія замѣтимъ, что соотношеніе револютивныхъ и эволютивныхъ силъ процесса въ нихъ таково, что первыя въ значительной мѣрѣ нейтрализованы послѣдними.

„Революція не удалась“: это слышится теперь повсюду. Одни говорятъ объ этомъ съ сожалѣніемъ, другіе — съ радостію... И, дѣйствительно, она не только не удалась, но — что несравненно болѣе важно, — она раскрыла намъ глаза на многое, что дотолѣ ускользало отъ нашего вниманія. Она пробудила сознаніе, что дальше въ томъ-же, револютивномъ направленіи идти невозможно. Всякій, кто имѣетъ глаза, чтобы видѣть, не могъ не увидать, что, когда вѣтшія преграды „свободной“ человѣческой воли, точнѣе было бы сказать произвола, были отстранены, то убожество идейныхъ вдохновеній и стимуловъ у адептовъ революціонныхъ измѣненій жизни обнаружилось съ такою смущающею очевидностію, что вѣра въ ихъ всеспасающую будто бы силу потерпѣла и неминуемо должна была потерпѣть полное крушеніе.

Люди мысли и углубленія, умы вдумчивые переживаютъ этотъ кризисъ общественнаго сознанія или, какъ теперь принято говорить, сознанія „интеллигентскаго“,—ибо, вѣдь наша революція, несомнѣнно. природы интеллигентской, шла сверху, а не снизу, — особенно мучительно и болѣзненно. Всмотриваясь въ природу этого интеллигентскаго сознанія, они констатируютъ въ немъ наличность такихъ глубокихъ отклоненій отъ общечеловѣческихъ идеаловъ, что уже несколько не удивляются, что все у насъ вышло такъ, какъ вышло. Поэтому, съ энергіей и мужествомъ, они возвышаютъ свой голосъ за необходимость радикальнаго пересмотра тѣхъ идеальныхъ цѣнностей, которыя еще такъ недавно считались у насъ общепризнанными. И мы снова чувствуемъ, что камни, которыми пренебрегли инициаторы—строители „новаго“ строя жизни, и впредь должны лежать во главѣ угловъ нашего строительства, личнаго и общественно-государственнаго, нравственнаго и идейнаго...

Итакъ, когда я говорю о переломѣ въ современномъ общественномъ, частіе мыслящемъ сознаніи, то разумѣю многими теперь, а иными до болѣзненности мучительно сознаваемую потребность пересмотрѣть заново теоретическія и нравственныя предпосылки тѣхъ лозунговъ, программъ и „платформъ“, которыя еще такъ недавно владѣли нашимъ общественнымъ сознаніемъ, въ качествѣ безспорныхъ, и считались своего рода догматами,—неприкосновенными догматами.

II.

Что же именно находитъ „мыслящее сознаніе“, продумывая до послѣднихъ основъ и критически взвѣсивая идеологию нашего недавняго общественнаго движенія?

Находитъ, во-первыхъ, что въ томъ великомъ идейномъ броженіи, которое шло у насъ параллельно съ стремительными „револютивными“ измѣненіями общественно-государственной жизни, какъ бы посредствомъ вѣкотораго духовно-химическаго анализа, совершилось *разслоеніе стихій и элементовъ сознанія*, дотолѣ органически въ немъ слитыхъ, причемъ оказалось, что эти элементы и стихіи, будучи выведены изъ своего сочетанія, приняли одностороннюю, уродливую, иногда прямо ложную, а потому и практически крайне вредную форму.

Находить, во вторыхъ, что тѣ послѣдшныя и часто совершенно случайныя синтезы этихъ элементовъ, которые ставились на мѣсто отвергнутыхъ, при повѣркѣ фактами и жизнью, оказались *синтезами нестойкими*, потому что образованы не согласно съ законами духовно-органическихъ синтезовъ, опредѣляемыми природою вводимыхъ въ нихъ элементовъ.

Разсмотримъ оба эти момента сложнаго вопроса въ отдѣльности.

Наше общественное движеніе недавняго времени выступило подъ знаменемъ высокихъ *нравственныхъ* идеаловъ. Если разсматривать дѣло со стороны чисто *формальной*, то мы должны признать въ его руководящихъ идеяхъ и практическихъ стимулахъ все черты нравственности. Тутъ были, въ самомъ дѣлѣ, велѣнія долга, суроваго и непреклоннаго. Тутъ были своего рода категорическія императивы, недопускающіе противорѣчій. Былъ даже, если угодно, налетъ аскетизма, требовавшаго служенія общему дѣлу до самоотверженія, даже до смерти... Но если взглянуть на дѣло не формально, а со стороны *реальной*, со стороны предмета и содержанія выставленныхъ требованій и ихъ мотивацин, то нравственная цѣнность ихъ окажется весьма сомнительной. Въдѣ, въ послѣднемъ счетѣ, все они сводились къ требованію служенія земному, и притомъ часто даже и въ этомъ смыслѣ совершенно условному, благополучію.—къ внѣшнему благополучію народа, общества, большинства и т. д., — и именно во имя этого-то благополучія борцы обязывались приносить жертвы не только собою, но и другимъ. Жертвовать собою, конечно, всякій волець, когда и во имя чего ему угодно. Но приносить въ жертву другихъ, особенно во имя столь сомнительнаго нравственнаго идеала, никакъ не въ правѣ: цѣль, даже возвышенная, никогда не можетъ быть оправданіемъ для негодныхъ и нравственно предосудительныхъ средствъ, а здѣсь и цѣль-то была совсѣмъ не возвышенная, а наоборотъ очень и очень низменная. Нельзя усвоить нравственную цѣнность проповѣди, которая на одну сторону возвѣщаетъ любовь, а на другую вражду и ненависть,—месть къ „врагамъ народа“. Нельзя усвоить нравственную цѣнность тѣмъ идеаламъ и лозунгамъ, которые требуютъ земныхъ благъ и оставляютъ въ совершенномъ

небреженіи высшія идеальныя цѣнности жизни, безъ стремленія къ которымъ и цѣнность земного благополучія, хотя бы и „всеобщаго“, попижается до нуля. А это было именно такъ. Нужны-ли примѣры? О, ихъ болѣе, чѣмъ достаточно! Всѣ жаловались и жалуются, за это послѣднее время, на страшное пониженіе цѣны жизни, на софистику и ложь, которая извиняетъ хищенія и всяческія отклоненія отъ нравственныхъ нормъ, когда это нужно для „партийныхъ“ цѣлей, на вопіющую денежную пачистоплотность и т. д. Проскочить на экзаменѣ, путемъ обмана экзаменатора, присвоить („экспроприровать“) чужое, даже убить: все это стало пустымъ дѣломъ. До этихъ-ли, въ самомъ дѣлѣ, „пустяковъ“, до этой-ли „прописной морали“ было, когда на очереди столь важные вопросы и задачи, какъ „завоеваніе“ общаго блага?... Такимъ образомъ, хотя, рассматриваемое съ формальной точки зрѣнія, движеніе и оказалось выступавшимъ подъ знаменемъ нравственности, по фактически,—по содержанію, мотиваціи и конечнымъ цѣлямъ,—имѣло иногда очень мало съ нею общаго.

Далѣе. Если угодно, въ изучаемомъ нами движеніи можно констатировать черту *мистики и даже религіозности*, въ широкомъ смыслѣ этого слова. Характерное для вождей движенія „покаянное чувство“ (предъ „обездоленнымъ“ народомъ), исканіе „высшей правды“, перенесеніе надеждъ и ожиданій на конецъ исторіи („религія конца“), мистическое чувство ответственности предъ грядущимъ, ригоризмъ, граничащій съ аскетизмомъ, „любовь къ дальшему“, культъ человечества и т. д. и т. д.,—все это, если угодно, элементы религіозности, несколько въ нихъ предъ нами на лицо мистика и направленіе на *что-то* высшее, трансцендентное. Но—именно только въ этомъ объемѣ и смыслѣ, то-есть только въ стремленіи, обыкновенно весьма туманномъ и смутномъ, а не въ содержаніи! Вслѣдствіе такой своей неопредѣленности, эта „мистическая религіозность“ вождей и участниковъ движенія фактически, на практикѣ легко уживалась и уживается не только со всякою религіею, хотя-бы и искусственно ссочиненною, но въ ней не безъ основанія усматриваютъ и черты религіозности чисто языческой, и даже атенстической. Вѣдь провозгласилъ-же, напр., пресловутый Горькій, устами одного изъ своихъ героевъ (въ „Исповѣди“), что

единный богъ есть „народушко“! Но возводитъ въ культъ поклоненіе народу или хстя бы даже и всему человѣчеству, не значить ли это ставить на мѣсто истиннаго Бога идола?.. Такъ народопоклонничество вырождалось у насъ въ идолопоклонничество. Съ другой стороны, такъ какъ согласно „этическому паевосу“ людей, проникнутыхъ этою безпредметно-мистичною религіозностью, каждый, кто думаетъ, что онъ служить благу народа, а тѣмъ болѣе всего человѣчества, усвояетъ себѣ нравственное (!) право распоряжаться по своему судьбою „враговъ народа“,—по силѣ высшаго, будто-бы, сознанія себя „внѣ и выше“ всякихъ условныхъ различій добра и зла,—а иногда и фактически ею распоряжается: то каждый такой сверхчеловѣчекъ, задрапировавшійся въ тогу высшей, „сверхконфессіональной религіозности“, въ сущности, есть въ своихъ глазахъ „маленькое божество“, да и въ глазахъ другихъ хотѣлъ бы быть такимъ божествомъ — „человѣко-богомъ“... Такимъ образомъ, „народушко“, коллективное божество, расчлененное на сонмъ человѣко-божковъ: вотъ собственно пантеонъ исповѣдниковъ этой новой религіи. „Воинствующіе монахи нигилистической религіи земного благополучія“: вотъ, по выраженію одного публициста, служители и адепты этой новой, удивительной и странной религіи!

Наконецъ. Едвали можетъ подлежать сомнѣнію, что наше общественное движеніе послѣднихъ лѣтъ, разразившееся подѣ вліяніемъ внѣшнихъ толчковъ и поводовъ „катастрофически“, идейно подготовлялось въ долгомъ и медленномъ процессѣ, такъ что его основа и природа характера *идейнаго, частію—научно-философскаго*. Во всякомъ случаѣ, этого послѣдняго элемента въ немъ отрицать нельзя. Оно шло подѣ знаменемъ науки и философіи и хотѣло перестроить жизнь по началамъ научно-философскимъ... Но—странное дѣло!—въ этой работѣ мысли, иногда работѣ напряженной, не природою *вещей*, отображенныхъ въ знаніи, не *объективною* истиною опредѣлялась жизнь, а наоборотъ приспособительно къ запросамъ жизни, къ практическимъ интересамъ и желаніямъ, *тенденціею* этихъ послѣднихъ, значить чисто *субъективно* опредѣлялась мысль. Такимъ образомъ, „истина“, которою *должна*, будто бы, опредѣляться и усовершенствоваться наша жизнь, декретировалась нѣкоторымъ, своего

рода, априори, чисто догматически. Изъ обширнаго западнаго научнаго инвентаря систематически подбирались и пересаживались на нашу почву такіе продукты мысли, которые бы оправдывали заранѣе поставленную цѣль, а именно—борьбу за народное благо, за пролетаріатъ, противъ господствующаго политическаго строя и т. д. За немногими,—хотя въ отдѣльности и яркими, иногда очень яркими, —исключеніями, любовь къ чистой истинѣ, къ чистой наукѣ и философіи, къ безусловной нравственной правдѣ и красотѣ подавлялась, изгонялась изъ литературы и школы и жестоко осмѣивалась, если и не какъ преступленіе, то во всякомъ случаѣ, какъ неумѣстная и педозводительная роскошь... И вотъ въ результатъ у насъ оказалась узко-утилитарная наука и философія, согласно которой хорошо лишь то, что содѣйствуетъ указаннымъ выше цѣлямъ народослуженія. Образовался, такимъ путемъ, своеобразный, научно философскій кодексъ, какъ бы своего рода научно-философская догма, опредѣлилось и стало вѣдряться въ умы массъ такое міро-и жизнепониманіе, которое радикально и по всей линіи противорѣчитъ истиннымъ притяженіямъ человѣческаго духа, руководимаго чистою любовью къ истинѣ, чистою философіею и наукою. Мы много хлопотали о прогрессѣ, но осмыслить и обосновать его на высшихъ принципахъ не умѣли. Много говорили о безусловной цѣнности каждой личности, по указать ей законное мѣсто въ насквозь детерминированной системѣ вещей и міровыхъ отношеній не могли. Призывали къ свободѣ, къ свободному и безоглядочному дѣйствію, во имя высшихъ требованій жизни, но свободу воли третировали, какъ псевдо-научный пережитокъ архаическихъ міросозерцаній... Всего больше, кажется, у насъ носились съ мечтою, сидѣли и рядомъ переходившею въ утопію, о всеобщемъ счастьи на землѣ, о „братствѣ, равенствѣ и свободѣ“, но спросить, что такое счастье, чѣмъ отличается идеаль истиннаго счастья отъ его суррогатовъ, мы и не подумали, и ужъ всего меньше могли бы повторить, вмѣстѣ съ однимъ глубокомысленнымъ поэтомъ, относительно счастья, что—

Не здѣсь, въ странѣ убогой,

А вонъ оно,—какъ дымъ:

Туда, туда, воздушною дорогой,

И—въ вѣчность улетимъ...

Таковы основныя стихіи, обозначившіяся предъ нами, съ ихъ характерными особенностями, въ томъ великомъ идейномъ броженіи, которое охватило русское общество за эти послѣдніе годы. Нравственная идея, лишенная, однако-же, собственно этической цѣнности; религіозная идея, но—идея крайне неопредѣленная, переходящая въ безпредметную мистику, а потому на практикѣ уживающаяся съ чѣмъ угодно; своеобразный научно-философскій утилитаризмъ, не имѣющій ничего общаго съ любовью къ объективной истинѣ и преданностію ей: вотъ приблизительныя очертанія той духовной атмосферы, которою у насъ дышали за эти послѣдніе годы. Отъединенныя другъ отъ друга, развитія до крайности каждое независимо отъ другого, эти начала, прежде всего именно вслѣдствіе этой отъединенности, но также и подъ вліяніемъ наложеннаго на нихъ практицизма, приняли въ своемъ развитіи крайне суженный, явно односторонній характеръ и, само собою понятно, могли дать на практикѣ, въ примѣненіи къ жизни лишь печальные результаты. Вотъ почему, эти послѣдніе годы отмѣчены въ нашей исторіи такими дѣяніями, которыя не только не имѣютъ ничего общаго ни съ какою этикою, но часто нарушаютъ элементарнѣйшія требованія общежитія, насыщая общественную атмосферу челоѣконенавистническими и братоубійственными чувствами и рѣшимостями...

Но если, такимъ образомъ, въ *аналитическомъ* порядкѣ, мы находимъ отъединенность и односторонность началъ жизни, владѣвшихъ нашимъ общественнымъ движеніемъ, то, съ другой стороны, въ порядкѣ *синтетическомъ*, въ сліяніи и синтезѣ этихъ и сродныхъ имъ началъ, находимъ произволь, иногда прямое сочинительство, а потому крайнюю неустойчивость и дезорганизованность элементовъ сознанія.

Синтезы въ духовно-личной и духовно-общественной жизни совершаются непрерывно, какъ они непрерывно-же совершаются и въ природѣ органической (біологическіе синтезы) и неорганической (синтезы химическіе). Но какъ въ этихъ послѣднихъ областяхъ ихъ опредѣляетъ строжайшая законмѣрность, нарушение которой губительно для живого существа и разрушительно для матеріальной природы, такъ и въ жизни индивидуально-личной и коллективно-общественной то-же должна быть осуществляема въ синтезахъ строгая законо-

мѣрность, отклоненіе отъ которой влечетъ за собою тяжелыя аномаліи и уродливости. Здѣсь, въ царствѣ духа, долженъ господствовать, прежде всего, принципъ цѣльности, духовной органичности, нарушение коего даетъ въ результатъ не только синтезы теоретически нестойкіе, но и практически вредныя.

Покойный Вл. С. Соловьевъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, говоритъ: „этику я не отдѣляю отъ религіи, а религію не отдѣляю отъ положительнаго откровенія, положительное же откровеніе не отдѣляю отъ Церкви“. Вотъ примѣръ органическаго синтеза съ *религіозной* основой,—синтеза совершенно закономѣрнаго. По аналогіи съ этою формулою можно построить множество другихъ съ основами: этической, религіозною и теоретическою. Можно, наприм., сказать такъ: „этику я не отдѣляю отъ истинной религіи, а истинную религію не отдѣляю отъ истинной философіи, удостоверяющей меня въ истинности данной религіи, истинность-же философіи обосновываю на знаніи точномъ, на провѣркѣ строгими теоретическими критеріями“ и т. д. Это будетъ синтезъ съ *теоретической* основой,—не только законный самъ по себѣ, при условіи строгаго выполненія указанныхъ въ немъ требованій обоснованія, но для иныхъ умовъ и единственно возможный. Но въ современномъ сознаніи мы, къ сожалѣнію, видимъ очень мало заботы о закономѣрности синтезовъ. Мы уже видѣли, что здѣсь по всей линіи господствуетъ тенденція ставить духовныя цѣнности въ зависимость, совсѣмъ не опредѣляемую ихъ дѣйствительнымъ соотношеніемъ и ихъ идейнымъ содержаніемъ. Всего чаще теперь, наперекоръ элементарнѣйшимъ требованіямъ логики и даже просто здраваго смысла, и науку, и философію, и религію, и этику подчиняютъ интересамъ политики, понятой притомъ тенденціозно,—въ смыслѣ борьбы съ господствующимъ строемъ. Удивляться-ли послѣ этого, что сознаніе, проникнутое такими идейными синтезами, не только не обладаетъ характеромъ критической отчетливости, но и ведетъ къ требованіямъ, которыя не выдерживаютъ самой поверхностной провѣрки фактами жизни, по всей линіи обнаруживая тенденціи явно жизневраждебныя?..

Этимъ указанная выше дезорганизація началъ жизни доводится до своего крайняго предѣла: высшее и о себѣ цѣн-

ное ставится въ ней въ подчиненное и служебное положеніе въ отношеніи къ тому, что само по себѣ безусловной цѣнности не имѣетъ и всецѣло заимствуетъ свою цѣнность и свое освященіе отъ началъ безусловныхъ, данныхъ и открывающихся въ богоположенной христіанской религіи, въ общечеловѣческихъ этическихъ требованіяхъ, въ объективной истинѣ и примирающей высшей красотѣ жизни.

Люди, „охваченные“ движеніемъ, не видали этого, какъ не видали и многого другого. Не видали потому, что сами участвовали въ движеніи, какъ звенья или колеса одной гигантской машины, но не имѣли возможности посмотрѣть на эту машину и свою включенность въ нее со стороны и изъ отдаленія,—не сдѣлали свои стремленія и дѣянія для себя предметными... Однако, всѣ и всякія увлеченія, мало-по-малу, проходятъ и успокоиваются и, переживъ ихъ, ставъ къ нимъ въ нѣкоторое отдаленіе, съ удивленіемъ, а иногда и съ ужасомъ видишь, наконецъ, что былъ лишь игрищемъ стихійныхъ силъ.

III.

Когда я окидываю, съ этой точки зрѣнія, однимъ общимъ взглядомъ современную жизнь и литературу, въ широкомъ смыслѣ послѣдняго слова, предъ моимъ сознаніемъ вырисовывается такая картина.

Кажется, будто опустился на Русскую землю страшный, небывалый по силѣ и стремительности, проливень, съ пронизывающими вѣтрами, градомъ и всяческою суровою непогодю. Вздудились ручейки, рѣчки и рѣки и начался исполнскій паводокъ... Пришлыя воды, какъ всегда бываетъ во время паводковъ, пошли не по естественному склоненію къ морямъ и океанамъ, но повинувась случайнымъ притяженіямъ къ низинамъ; чтобы, сложивъ здѣсь муть и мусоръ, или отстояться въ чистыя воды, или быть поглещенными почвою и профильтроваться уже въ ней... Однако, мѣстами естественные, не наносные потоки, тихіе и глубокіе, несущіе воду ключевую и родниковую, повинувась своему природному склоненію къ морямъ и океанамъ, стали обнаруживать довольно замѣтное уже дѣйствіе и на эти наносные водные слои, то вводя ихъ въ правильное русло, то образуя

воронкообразныя стремнины, дающія точки отправленія „теченіямъ встрѣчнымъ“...

Оставимъ образъ и возьмемъ заключенную въ немъ мысль въ чистой формѣ.

Какъ ни печально наше политическое настоящее и какъ ни хаотично наше современное сознаніе (увы!—все еще слишкомъ хаотичное!), все же даже и самый отчаянный пессимистъ едва ли можетъ отрицать, что начинается и у насъ „теченіе встрѣчное“. Тамъ и здѣсь пробуждается къ жизни *сознавшая*, наконецъ, *себя въ своихъ извѣстныхъ притязаніяхъ не только къ общечеловѣческимъ, но и къ нашимъ роднымъ историческимъ началамъ и идеаламъ* мысль, вмѣстѣ критическая и творческая. Крикливые девизы и лозунги, партійныя программы и „платформы“ начинаютъ смѣняться болѣе спокойными и раздумчивыми голосами. Варварская литература послѣдняго времени, съ гг. Арцыбашевымъ, Горькимъ, Андреевымъ и К⁰ во главѣ, отбросившая эстетическіе и этическіе вкусы нашего общества буквально ко временамъ первобытнымъ,—эта удивительная литература, въ союзѣ съ псевдо-наукою, столь усердно пересаживаемою за послѣднее время на русскую почву диллетантами и недочками, засорившая у насъ источники воды живой всякимъ вреднымъ и предосудительнымъ хламомъ, начинаетъ уже вызывать въ общественномъ сознаніи протесты справедливаго возмущенія, и интересъ къ ней замѣтно охлаждѣваетъ. Мы пробуждаемся какъ бы отъ долговременнаго гипноза. Какъ пѣснь далекаго, пока еще едва слышнаго, но уже приближающагося къ свѣту рамы хора, звучать теперь варіаціи бодрого, но радикально нами забытаго за это послѣднее время, мотива одного изъ нашихъ поэтовъ идеалистовъ, въ свое время, при подобныхъ же настроеніяхъ, возвысившаго мужественный протестъ противъ современныхъ литературно-идейныхъ вандаловъ:

Други, вы слышите-ль крикъ оглушительный:
Сдайтеся натиску новаго времени?...

.....
Други, не вѣрьте. Все та-же единая
Сила насъ манитъ къ себѣ неизвѣстная....

Други, гребите
Верхъ надъ конечнымъ возьметъ безконечное.

Вѣрою въ наше святое значеніе
 Мы же возбудимъ теченіе встрѣчное
 Противъ теченія....

Безъ сомнѣнія, однимъ изъ самыхъ крупныхъ проявленій этого „теченія встрѣчнаго“ служатъ у насъ за послѣднее время *Вѣхи*, авторами которыхъ тонко подмѣчено многое изъ того, что сказано нами выше (гл. II), при характеристикѣ недавно пережитой и отчасти еще переживаемой нами идейной смуты.

Сборникъ чрезвычайно неоднороденъ и, потому, не только навлекъ на себя ожесточенныя нападки со стороны тѣхъ, кому онъ адресованъ, но вызвалъ и вызываетъ недоумѣнія и въ тѣхъ, кто цѣнить въ немъ, присущую почти всемъ статьямъ, юношескую силу протеста и одушевленность призыва къ возбужденію „теченія встрѣчнаго“.

Изучая статьи сборника со стороны обозначившихся въ нихъ принципиальныхъ точекъ и угловъ зрѣнія, мы получаемъ возможность расположить ихъ, какъ нисходящія ступени лѣстницы, причемъ, если возьмемъ за точку отправленія статью съ содержаніемъ наиболѣе положительнымъ и опредѣленнымъ,—а таковою безспорно является статья г. Булгакова,—то, спускаясь со ступени на ступень, придемъ къ результатамъ, быть можетъ, нѣсколько неожиданнымъ: окажется, что, въ сущности, иные изъ авторовъ *Вѣхъ*,—если только они захотятъ быть послѣдовательными,—пожалуй, и не очень разойдутся съ тѣми, противъ кого направляютъ свои отточенные стрѣлы... Анализъ современнаго мыслящаго сознанія въ книгѣ почти повсюду хорошъ,—глубокъ, ясенъ и тонокъ. Но синтезы или отсутствуютъ, или гдѣ они даны, обнаруживаютъ совершенно неожиданную со стороны авторовъ *Вѣхъ* тенденцію направлять мысль и жизнь на чуждыя нашему историческому сознанію колени.

Но оставимъ критику и возьмемъ изъ аналитической части *Вѣхъ* то, что намъ нужно для нашихъ цѣлей.

Итакъ, что же собственно сказали авторы сборника и что именно вызвало въ станѣ ихъ противниковъ такой переполохъ?

Они отнюдь не сказали чего-нибудь новаго и неслыханнаго. Они высказали, какъ это отмѣчено уже и въ предисловіи къ книгѣ, мысль, которую, дѣйствительно, давно

„твердили“ у насъ всѣ пронизательные, начиная съ Чаадаева, но которой извѣстная часть нашей интеллигенціи упорно не хотѣла и до сихъ поръ не хочетъ принять.

Они сказали, что внутренняя жизнь личности, какъ единственное творческое начало жизни и всякаго общественно-государственнаго строительства, должна быть поставлена выше внѣшнихъ формъ общежитія и какихъ бы то ни было началъ политическаго порядка, хотя бы послѣднія и казались иногда „самодовлѣющими“.

Мысль, повторяю, не новая. Даже слишкомъ не новая, потому что, въ сущности, это—выраженіе вѣчнаго закона подлинно человѣческой жизни. Но цѣнность и значеніе такихъ мыслей-законовъ именно въ томъ и заключается, что, разъ они сознательно отвергаются или хотя бы просто только забываются, то это немедленно сказывается практически полною дезорганизацией всѣхъ общественныхъ отношеній, какъ и случилось у насъ въ революціонные годы, подготовленные долгою подспудною работою части нашей интеллигенціи.

Авторы *Взгля* убѣдительно и, иногда, талантливо это разъясняютъ.

Съ юныхъ лѣтъ наша интеллигенція систематически приучалась жить „внѣ себя“, на подневольной службѣ „народу“, „обществу“... Въ личной и семейной жизни, вслѣдствіе этого, работали лишь слѣпая и хаотическія силы, и она естественно складывалась при такихъ условіяхъ непоследовательно, а часто и совсѣмъ безобразно. Когда пришли революціонеры и стали стучать изъ двери въ дверь съ призывомъ: „всѣ на улицу, стыдно сидѣть дома!“—то это вовсе не было чѣмъ-нибудь для нашей интеллигенціи неожиданнымъ, потому что духовно она уже давно привыкла не сидѣть „дома“, то-есть въ интимной уединенности личнаго дѣланія... Когда же революціонный гипнозъ прошелъ, то оказалось, что для интеллигенціи, именно вслѣдствіе опустошенія ея души, въ жизни совсѣмъ не было уже никакого содержанія и смысла и—вотъ начался „интеллигентскій разбродъ“.

Въ частности, въ сферѣ научной и философской, наша „кружковая интеллигенція всегда охотно принимала идеологию, въ которой центральное мѣсто отводилось проблемѣ.

распределенія и равенства, а все творчество было въ загонѣ“. Вслѣдствіе этого ее интересуеъ, наприм., вопросъ не о томъ, истинна или ложна та или иная теорія знанія, но лишь о томъ, благоприятна она или нѣтъ для идеи социализма. Ее интересуеъ не то, существуютъ ли метафизическія истины, а лишь то, не вредитъ ли метафизика интересамъ народа, не отвлекаетъ ли она отъ борьбы съ самодержавіемъ и отъ служенія пролетариату... Въ общемъ „любовь къ народному благу парализовала у насъ любовь къ истинѣ“.

На той же почвѣ и вслѣдствіе того же перенесенія центра жизни изъ личности во внѣ, въ нашей кружковой интеллигенціи развился „непроизводительный, противокультурный, нигилистическій морализмъ“,—особая „народническая“ этика, сводящая всѣ обязанности человѣка исключительно къ „альтруистическому служенію нуждамъ народа“, при полномъ игнорированіи и даже попраніи идеально-объективныхъ этическихъ цѣнностей. Именно этотъ то „нигилистическій морализмъ“ и образуетъ самое существо міровоззрѣнія русскаго интеллигента, сообщая ему низменно-утилитарный и, въ концѣ концовъ, атеистическій характеръ.

Наконецъ, въ области религіозной,—атеизмъ есть общая вѣра, въ которую крещаются вступающіе въ лоно церкви интеллигентски-гуманистической“... Отсюда, у интеллигенціи „религіозное легкомысліе“, подчиненіе религіознаго начала политическому, забвеніе не только высокихъ заповѣдей Христа, но даже и Моисеева десятословія... Отсюда же и постановка на мѣсто истинно-христіанскаго подвижничества, путемъ котораго на протяженіи всей своей многострадальной исторіи шель русскій православный народъ, „интеллигентскаго героизма“ съ народопоклонничествомъ, вмѣсто богопоклоненія... Это забвеніе Христа, какъ высочайшаго идеала, и постановка на мѣсто подвижничества, какъ нормы жизни, героизма, всего чаще весьма сомнительнаго, именно это и вырываетъ глубочайшую, непреходимую пропасть между народомъ и интеллигенціей.

Въ результатъ, за отсутствіемъ въ сознаніи нашей псевдоинтеллигенціи лично-творческихъ инициативъ, объективныхъ критеріевъ истины и абсолютно-обязывающихъ этическихъ нормъ, а главное—непререкаемаго религіознаго ав-

торитета, ей ничего не оставалось, какъ воспріять въ качествѣ философеи и вмѣстѣ самодовлѣющей морали и религіи, выработанный „передовыми“ умами запада атеистической социализмъ, что она и не преминула сдѣлать.

Таково, въ самыхъ общихъ чертахъ, содержаніе *Вѣхъ* въ аналитической части.

Само собою понятно, что столь рѣшительный призывъ къ пересмотру и переоцѣнкѣ недавнихъ цѣнностей, съ точки зрѣнія личной отвѣтственности каждаго за совершающееся и по масштабамъ цѣнностей безусловныхъ, вызвалъ въ „интеллигентскихъ“ кругахъ страстную оппозицію, иногда рѣзкую до неприличія, что выражалось уже и въ заглавіи статей—отвѣтовъ „вѣхистамъ“ („Творцы поваго шума“, „Отцепенцы въ квадратѣ“, „Мольеровскіе врачи“, „Наши клирики“, „Обвиненные судьи“ и т. д. и т. д.). Къ сожалѣнію, *по существу вопросы* въ этихъ отвѣтныхъ статьяхъ было высказано очень мало. Указывалось лишь на то, что де наше общественное движеніе послѣднихъ лѣтъ совершалось именно въ томъ самомъ направленіи, въ какомъ и должно было совершаться, и не вина интеллигенціи если оно „не удалось“; что бичуемые вѣхистами „грѣхи и болѣзни“ суть де грѣхи и болѣзни мнимые и воображаемые и т. д. Такое отношеніе къ „вѣхистамъ“, конечно, понятно и въ порядкѣ вещей. Духовная природа человѣка, какъ и физическая, обладаетъ своего рода кокостью и, разъ ея проявленія приняли опредѣленное направленіе, нелегко уже его измѣнить.

Однако, самая страстность возникшихъ споровъ ясно доказываетъ, что ударъ былъ рассчитанъ вѣрно и что вопросъ, поднятый авторами *Вѣхъ*, есть очередной вопросъ времени. Что обсужденіе вопроса сразу-же приняло форму острыхъ пререканій,—это, конечно, очень печально, но опять таки есть черта переживаемыхъ нами настроеній, а точнѣе нестроеній, нашей идейной анархіи. Наше время, по выраженію одного вдумчиваго современнаго писателя (Гейерстама) характеризуется, между прочимъ, тѣмъ, что, хотя память объ Иисусѣ изъ Назарета почти исчезла изъ общественнаго сознанія, но за то жива вѣра въ Іуду. Кто не идетъ съ рабскою покорностію за общепризнаннымъ, на того скоро наклеиваютъ ярлыкъ предателя и измѣнника. Теперь есть даже нѣ-

что болѣе опасное и тиранническое, чѣмъ „общественное мнѣніе“ добрыхъ старыхъ временъ,—расплывчатое и неопредѣленное, а потому, въ сущности, никого и ни къ чему не обязывавшее. Общественное мнѣніе замѣнено теперь мнѣніемъ „господствующихъ круговъ“, „руководящихъ партій“, догматическимъ и тиранническимъ,—круговъ и партій, дробящихся на болѣе тѣсныя кружки, своего рода секты. И горе человѣку, если онъ вздумаетъ разойтись съ ними, особенно послѣ того, какъ прежде оффиціально въ нихъ числился! Это будетъ принято, какъ прямой вызовъ и оскорбленіе. Не будутъ спрашивать, чѣмъ, въ томъ или другомъ случаѣ, обусловлено разномысліе, но спросятъ: какую человѣкъ хотѣлъ извлечь пользу, взявъ „новый курсъ“? И разъ этотъ вопросъ поставленъ, человѣкъ заподозрѣнный въ „отступничествѣ“, тѣмъ самымъ становится уже „сомнительною личностью“. Около дерзкаго, рѣшившагося отступить отъ кружковаго катехизиса, мало по-малу образуется пустота. Атмосфера, которую ему теперь приходится дышать, становится холодной и леденящей. Не одни только, вѣдь, правительства пользуются словомъ: „неблагонамѣренный“, но—въ несравненно большей степени имъ пользуются и такъ называемые „либеральные“ кружки и притомъ, по какой то странной ироніи судьбы, именно наиболѣе либеральные изъ нихъ. Не-„благонамѣренный“, то-есть не согласнаго съ кружковымъ катехизисомъ, осуждаютъ на одиночество. Съ нимъ не хотятъ даже и спорить, потому что вѣра въ живучесть Іуды ослѣпляетъ и фанатизируетъ, а *свободнотѣствующіе*, къ сожалѣнію, именно за послѣднее время, видимо берутъ у насъ перевѣсъ надъ *свободномыслящими*, то-есть мыслящими согласно съ *своими* убѣжденіями, съ велѣніями *своей* „логической совѣсти“, пользуясь выраженіемъ Виндельбанда...

И тѣмъ не менѣе,—повторяю,—„вѣхистами“ поднять очередной вопросъ, крупнаго значенія и громадной принципиальной важности. Безъ преувеличенія можно сказать, поэтому, что появленіе сборника есть своего рода „знаменіе времени“,—какъ бы ни были несовершенны включенныя въ него разсужденія иныхъ авторовъ, особенно въ синтезахъ, въ положительныхъ конструкціяхъ, часто крайне бѣдныхъ содержаніемъ и весьма и весьма спорныхъ.

IV.

Въхи—явленіе наиболѣе крупное и симптоматичное, но не одинокое. Повсюду въ литературѣ чувствуется теперь какая то раздумчивость, потребность пересмотра началъ и лозунговъ, еще такъ недавно владѣвшихъ нашимъ общественнымъ сознаніемъ, стремленіе къ углубленію въ идейную подпочву совершающагося периферически.

Конечно, эти предвѣстники *дѣйствительнаго* идейнаго обновленія, можетъ быть рѣшительнаго возврата къ полузабытымъ абсолютнымъ цѣнностямъ, проявляются наиболѣе ясно не въ настроеніяхъ старшихъ поколѣній: старость вообще раздумчива и судить, главнымъ образомъ, исторически, — поэтому она и съ прошлымъ порываетъ нерѣшительно, и къ новому идетъ не торопливо. Равнымъ образомъ и люди такъ называемаго зрѣлаго возраста, слишкомъ занятые практическими и насущными, дѣловыми и служебными интересами, не могутъ въ данномъ отношеніи служить хорошимъ барометромъ. Но за то у наиболѣе чуткихъ изъ представителей молодого поколѣнія, которое, по самой своей юности и отзывчивости наиболѣе чутко и воспріимчиво къ тончайшимъ измѣненіямъ духовной атмосферы,—у нихъ теперь иногда уже довольно ясно обозначаются новыя духовныя притяженія, притяженія углубленно-идеалистическаго, я сказалъ бы даже мистическаго, характера.

И это опять-таки вполне понятно, при условіяхъ нашей общественности.

Въ самомъ дѣлѣ, давно уже у насъ, какъ это справедливо отмѣчено въ *Въхахъ*, устроилось такъ, что каждаго юношу, въ ту пору его жизни, когда въ немъ всего сильнѣе пробуждаются вопросы о ея смыслѣ и цѣли, встрѣчало такъ называемое „общественное мнѣніе“, всего чаще въ узко-кружковомъ преломленіи, которое просто и категорично разрѣшало для него этотъ труднѣйшій вопросъ,—разрѣшало указаніемъ одной конкретной цѣли, которая полагалась въ служеніи народу, пролетаріату, задачамъ устройства на землѣ всеобщаго благополучія и т. д. Идеаль, такимъ образомъ, былъ для него уже готовъ заранѣе и всякая личная отвѣтственность за какіе-либо аномаліи и даже прямыя отклоненія отъ требованій общечеловѣческаго нравственнаго

сознанія съ него снималась, подь условіемъ вѣрнаго и неуклоннаго служенія поставленной „общественной“ цѣли... Но теперь, послѣ того, какъ вѣра въ общественно-освободительныя догматы поколебалась и въ мыслящемъ сознаніи начался выясняемый нами переломъ,—теперь юноша, не лишенный чуткости, уже не можетъ укрываться за общественнымъ, а тѣмъ болѣе кружковымъ мнѣніемъ. Онъ обращенъ теперь, самымъ ходомъ вещей и настроеній, къ самому себѣ, къ своему личному сознанію, и долженъ самъ за себя и на собственный, какъ говорятъ, страхъ рѣшать великій вопросъ о смыслѣ человѣческой жизни вообще, и своей въ частности. И если мы примемъ во вниманіе, что теперь вообще нѣтъ общепризнанныхъ догматовъ (кружковые, конечно, я оставляю въ сторонѣ),—такъ какъ скептицизмъ послѣдняго времени всѣ ихъ подвергъ сомнѣнію и расшаталъ,—то мы поймемъ всю неотступность и остроту, часто до боли и муки, съ какою выступаютъ предъ сознаніемъ современной развитой, „мыслящей“ молодежи старые вопросы, точнѣе вѣчные вопросы, философскіе по преимуществу, вопросы о смыслѣ и цѣли жизни.

Изъ многихъ литературныхъ явленій послѣдняго времени, которыя могли бы быть использованы въ цѣляхъ иллюстраціи только что сказаннаго, я остановлю здѣсь вниманіе лишь на одной небольшой повѣсти г. А. Золотарева *Въ старой Лаврѣ* ¹⁾, такъ какъ вопросъ о настроеніяхъ и идейныхъ интересахъ молодежи взять въ ней какъ бы на грани двухъ міровъ: духовно-академическаго и университетскаго и, до нѣкоторой степени, отражаетъ оба эти міра.

Дѣло происходитъ въ Кіевѣ. Студенты академіи и университета, встрѣчаясь другъ съ другомъ, ведутъ дебаты, въ которыхъ, между прочимъ, принимаетъ участіе и одна курсистка.

Въ той части, которая касается студентовъ академіи, повѣсть написана не совсемъ правдиво, съ плохимъ знаніемъ среды, условій жизни и настроеній духовно-академическаго юношества,—очевидно, авторъ судитъ о предметѣ лишь по наслышкѣ. По изображенію автора повѣсти, и академическое студенчество, будто бы, грезитъ теперь о какой-то „новой

¹⁾ Напечатана въ одной изъ послѣднихъ кн. сборника *Знаніе*.

религій“, которая должна де „попалить Садомъ и Гаморру прошлаго“, освѣтить путь впередъ, подготовить и возжечь въ сердцахъ религію „новаго человѣка“ и т. д. Все это звучитъ тенденціей и, очевидно, подогнано подъ „новыя вѣянія“, которымъ, по мысли автора, должны оказаться не чуждыми и студенты академій.

Но, не смотря на тенденціозность иныхъ страницъ, въ повѣсти есть и вѣрные штрихи. Вѣрно подмѣчена въ ней и ярко отгвѣнена, прежде всего, одна черта современности: по изображенію автора, мы живемъ въ періодъ, когда „сѣмена страстныхъ религіозныхъ исканій снова оплодотворяютъ человѣческой духъ“. Вѣрно указано въ повѣсти также и то, что, при современномъ разбродѣ „научной“ (точнѣе, *псевдонаучной!*) мысли, которая болѣе разрушаетъ, чѣмъ созидаетъ, и при слабомъ сознаніи этою мыслью границъ своей компетенціи, молодежь, предоставленная самой себѣ, оставленная безъ надежнаго и авторитетнаго руководства, совершенно изнемогаетъ подъ тяжестью пробудившихся въ ней страстныхъ исканій выхода изъ тисковъ скептицизма, такъ что иногда кончаетъ роковою развязкою,—прежде всего вслѣдствіе своей идейной безпомощности.

Такова именно въ повѣсти судьба одного университетскаго студента, котораго въ товарищеской средѣ, по его специальности, зовутъ „геологомъ“. Онъ вынесъ изъ своихъ университетскихъ штудій, не просвѣтленныхъ вдумчивою критикою, „убѣжденіе“, что, такъ какъ де ученые (естественники) „всемогущаго Бога ни въ микроскопъ ни въ телескопъ доглядѣть не могли“, то и признали, что „вся ваша (христіанская) религія и философія въ пьяномъ видѣ (!!) выдумана, а наука трезвыхъ людей разрушить (молъ), всѣ эти галлюцинаціи“... Въ частности, какъ геологъ, студентъ былъ того взгляда, что „земля цѣлые милліоны лѣтъ живетъ, а не ваше нищенское время“: это, молъ, „намъ, геологамъ, доподлинно извѣстно“... Студенты академій пытаются, какъ умѣютъ (не всегда искусно!), парировать эти возраженія. Доказываютъ, съ своей стороны, что „вся земля одного такого Человѣка не стоитъ, Который даже мертвымъ не удержался на ней, а вознесся на небо“; что вообще еще и доселѣ великій вопросъ,—„кто побѣдитъ: земля, родившая Человѣка, или Человѣкъ, родившійся на землѣ“ и т. д. Но

эти возраженія не переубѣдили „геолога“, а точнѣе автору не угодно было поставить дѣло такъ: онъ обращаетъ всю полемику представителей обѣихъ высшихъ школъ въ шутку и шаржъ,—очевидно, по велѣніямъ все той-же тенденціи, которую мы отмѣтили выше. Но смыслъ цѣлага отъ этого не измѣняется: геологъ падаетъ жертвою своихъ титаническихъ сомнѣній и кончаетъ... самоубійствомъ...

Позволю себѣ, для иллюстраціи, привести здѣсь извлеченіе изъ размышленій „геолога“, приведшихъ его къ столь трагическому концу.

„Есть періоды“,—говоритъ онъ въ бесѣдѣ съ академиками,—„когда самый твердокаменный умъ плавится и испаряется въ яркомъ огнѣ вулканическаго неустанныаго дѣйствія. Это—время геологическихъ переворотовъ, время перехода общества изъ твердаго въ жидкое, расплавленное состояніе; время, когда нужно прежде всего порвать безконечную цѣпь медленной эволюціи. Такой періодъ для меня уже наступилъ, да и для всѣхъ васъ онъ не такъ далекъ... Это намъ, геологамъ, доподлинно извѣстно. Въ то время, какъ вы, богословы, у себя внизу, на Подолѣ, спокойно водку пьете, здѣсь у насъ вверху, на Горѣ, зашевелились и помаленечку начинаютъ вашихъ боговъ къ самымъ днѣпровскимъ обрывамъ подталкивать. Если и дальше будутъ пошлѣе шевелиться, то очень скоро ваши золотые Перуны со всѣми святыми могилками въ Днѣпрѣ сползутъ и въ песокъ превратятся или потонутъ,—все это намъ, геологамъ, доподлинно извѣстно... Только... нервничаютъ у насъ на Горѣ (въ университетѣ) тѣ, что новую вѣру нашли, и чувствуютъ, что за ними чередъ—вашихъ Перуновъ въ Днѣпрѣ кидать. Ненадежная все публика! Какіе то все у нихъ расчеты и запасы на будущее!.. Тоску смертельную они на меня нагоняютъ, и возненавидѣлъ я ихъ не меньше, чѣмъ вашего брата. Очень ужъ міросозерцаніе у нихъ сильно мертвечиной отдаетъ. Они даже названіемъ у васъ позаимствовались: выпотрошили ваше неуклюжее слово и изъ монотеистовъ—монистами стали. Это все—ничего... Никому до поры до времени въ Тришкиномъ кафтанѣ щеголять не забраняется. Но зачѣмъ такая тьма гордости и такая бездна серьезности?.. Забавная публика!.. Философія у нихъ мертвая и скучная, а они всѣ ею очень довольны, ликуютъ и вза-

пуски славословять творца (*повидимому, Геккеля*) ея... Мнѣ вся эта музыка до самаго конца извѣстна, и потому у меня тоска смертная, и глядѣть ни на что не хочется. Пусть кого угодно это занимаетъ, а для меня все это скучные пустяки въ сравненіи съ будущимъ *мировымъ пожаромъ*. Прощай, дорогой Платонычъ (*студентъ академіи*), и помни о томъ, что предсказалъ тебѣ *родившійся въ безвременье человекъ, который отравился нечеловѣческой тоскою по грядущему всемірному пожару*“...

Юный „геологъ“, говоря напыщенно-витіеватымъ языкомъ автора повѣсти, „отравился нечеловѣческой тоскою по грядущему всемірному пожару“... Но развѣ этотъ „геологъ“ исключеніе? Многіе и очень многіе изъ юношей теперѣ отравлены тою-же тоскою. Мы видимъ, что современная молодежь вообще какъ-то выбилась изъ колеи, почему и разстается съ жизнью легко, иногда слишкомъ ужъ легко,—по всякимъ поводамъ, важнымъ и совсѣмъ неважнымъ. Это есть печальное слѣдствіе многихъ и сложныхъ причинъ, данныхъ въ нашей современной жизни и господствующихъ идейныхъ настроенійхъ. Прежде же и главнѣе всего, это—слѣдствіе того извращеннаго отношенія между отцами и дѣтьми, между старшими поколѣніями и младшими, какимъ отмѣчены у насъ эти послѣдніе годы. Въ самомъ дѣлѣ, въ періодъ недавняго господства у насъ *недократіи*,—господства страннаго и ни съ чѣмъ несообразнаго,—когда все было отдано въ руки дѣтей, они вдругъ слѣбались не въ мѣру серьезными, озабоченными, какъ бы придавленными непосильною тяжестью, какими-то преждевременными стариками. Но когда они убѣдились, что быть строителями и направлятелями жизни не такъ-то легко, какъ кажется иной горячей головѣ, а руководителей у нихъ нѣтъ, такъ какъ старшія поколѣнія, „отцы“, отстранились и все добровольно отдали въ ихъ руки, то естественно, что „дѣти“ изнемогли, разочаровались въ своихъ замыслахъ, а порою приходили даже и въ отчаяніе и... выбывали изъ строя жизни... Сердце дѣтей отворотилось отъ отцовъ, потому что эти послѣдніе сами—по малодушію и безволю—отворотили свое сердце отъ дѣтскаго и, какъ бы переставъ сознавать себя носителями извѣчныхъ идеаловъ, призванными самымъ своимъ положеніемъ, въ качествѣ старшихъ и опытныхъ, къ ихъ осуществленію, оста-

вили безъ идеаловъ и дѣтей. Скорбь современныхъ отцовъ и матерей о преждевременной гибели дѣтей есть, такимъ образомъ, не только слѣдствіе, но и кара за преступное перемѣщеніе отцами непосильной тяжести съ своихъ на слабыя дѣтскія плечи.

Нравственный міропорядокъ идетъ своимъ неуклоннымъ путемъ, что бы мы о томъ ни думали. И если, въ цѣляхъ возстановленія нарушеннаго равновѣсія въ строѣ жизни понадобились столь острыя мѣры образумленія, то, значить, распадъ жизни достигъ уже крайняго предѣла...

V.

Время, переживаемое теперь нами, какъ и вообще переходныя времена въ исторіи народовъ, слишкомъ озабочено внѣшними реформами и очень много, почти исключительно занимается ими. Мы живемъ точно въ какой то истерической горячкѣ. Всѣ только и дѣлаютъ, что спрашиваютъ и доискиваются, въ какой мѣрѣ ихъ „подавляютъ“ тѣ или иныя формы общежитія. Ничто не признается пригоднымъ,— все должно быть измѣнено и, по возможности, немедленно-же. Каждый носитъ съ собою планомъ собственныхъ реформъ. Развѣ лишь немногіе обладаютъ при этомъ достаточнымъ спокойствіемъ и равновѣсіемъ, чтобы жить гармоническою жизнью даже и при существующихъ условіяхъ. Погоня за реформами просто не оставляетъ намъ времени жить и вотъ иныя... выбываютъ изъ строя... Печальныя настроенія, тревожная эпоха!

Къ счастью, какъ мы имѣли возможность убѣдиться изъ вышесказаннаго, въ самое послѣднее время замѣчаются нѣкоторые признаки отрезвленія. Начинается „переломъ“,—начала въ „мыслящемъ сознаниі“, а потомъ и въ общественномъ, въ широкомъ смыслѣ слова. Ясная мысль о необходимости переоцѣнки недавнихъ цѣнностей проступаетъ, правда, пока еще не часто и робко. Но запросы уже носятъ въ воздухѣ довольно ощутительно. Есть и внѣшніе, такъ сказать вторичные, признаки начинающагося оздоровленія общественной атмосферы и ихъ, пожалуй, не мало.

Мы видимъ, прежде всего, что звѣринныя чувства различныхъ политикующихъ сверхчеловѣковъ, которые еще такъ недавно считали безспорнымъ, будто имъ „все дозволено“,

во имя народолюбія, заботъ о благѣ пролетаріата, сверженія тѣхъ или иныхъ „фетишей“ и „кумировъ“, и т. д.,—что эти чувства спрятались и притаились, какъ бы устыдившись самихъ себя при дневномъ свѣтѣ. Мы видимъ, что интересы къ положительной религіозности, къ христіанству, еще такъ недавно сполна отгѣсненные въ тайники интимно-личной, „сокровенной“ жизни, теперь снова оживаютъ: вопросы этого порядка обсуждаются горячо и страстно, и въ печати и въ собраніяхъ; кое-гдѣ учреждаются богословскіе курсы даже и для женщинъ, — явленіе достойное вниманія! Мы видимъ, что недавно столь яростно гонимый „академизмъ“, съ его девизомъ: „наука для науки“, вообще любовь къ чистому знанію, своеобразный идеализмъ жизни и мысли,—все это теперь не смущается уже никакими окриками и мужественно несетъ предъ вѣкомъ свое знамя. Въ текущей прессѣ чувствуется также болѣе спокойный тонъ, а статистика спроса на книги даетъ очень благопріятныя показанія, въ указанномъ нами смыслѣ. Оказывается, что, наприм., социалистическая и иная, явно рассчитанная на злобы дня, макулатура, разбивавшаяся въ недавнее время съ какою-то лихорадочною торопливостію и крайнею неразборчивостію, теперь почти совсѣмъ не находитъ спроса и залеживается на полкахъ магазиновъ или сбывается за половину и четверть своей стоимости, а наоборотъ книга серьезная, характера научно-философскаго и даже религіознаго, опять стала привлекать къ себѣ вниманіе...

Конечно, этими внѣшними признаками начинающагося оздоровленія нашей общественной атмосферы, какъ бы обильны они ни были, при наличности противоположныхъ (увы!—все еще о себѣ напоминающихъ!) явленій, не приходится слишкомъ обольщаться. Но, при сопоставленіи съ новыми идейными теченіями и запросами, о которыхъ была рѣчь выше, они получаютъ нѣкоторое значеніе. Какъ ни густа еще облегающая нашу жизнь тьма и какъ ни хаотичны современныя настроенія, но совокупность указанныхъ признаковъ, внутреннихъ и внѣшнихъ, все же, кажется, даетъ нѣкоторое основаніе ожидать, что наступитъ, наконецъ и у насъ та „великая тишина“, которая во всѣ подобныя эпохи духовнаго возбужденія, какъ учитъ исторія, обращала сердца и умы людей отъ вопросовъ внѣшнихъ,

отъ острыхъ „злюбъ дня“, къ вопросамъ внутренняго устройства,—къ вопросамъ о высшей правдѣ жизни, стоящей надъ измѣнчивою подвижною и текучестью вещей и властно призывающей къ устройенію разстроеннаго, путемъ идейнаго творчества и труда мирнаго.

И вотъ, если мы взглянемъ на нашу, все еще достаточно безпорядно волнующуюся жизнь, съ точки зрѣнія этихъ высшихъ задачъ и идеаловъ, которые одни способны ее осмыслить, „подъ аспектомъ вѣчности“, то двѣ истины, прежде всего, уяснятся предъ нашимъ сознаниемъ: 1) жизнь общественная не устроится безъ нашего личнаго участія, всегда нравственно-отвѣтственнаго; 2) жизнь настоящаго стоитъ подъ неустрашимою властью прошлаго и, при окончательномъ разрывѣ съ нимъ, то есть безъ соображенія съ положительнымъ, историческимъ, традиціоннымъ устроиться прочно и гармонично не можетъ.

Только взаимодѣйствіе личнаго начала съ историческимъ можетъ ввести преобразовательныя тенденціи времени въ спокойное русло и дать стойкіе цѣнные результаты.

Что общественная жизнь не можетъ устроиться безъ личнаго, нравственно-самоотверженнаго, даже иногда „подвижническаго“ участія въ ней cadaго,—это понятно само собою и разъясненіе этой стороны вопроса составляетъ, быть можетъ, самое цѣнное изъ всего, что сказано авторами *Взлхъ*. Но что, кромѣ возвращенія жизни изъ безлично—безъотвѣтственной „среды“ слова въ отвѣтственно-личное сознаніе, для устройства жизни, необходимо также и возстановленіе порванной связи между „дѣтьми“ и „отцами“, представителями новыхъ поколѣній съ представителями прежнихъ, пастоящаго съ прошлымъ, новаторскаго съ историческимъ и традиціоннымъ, новыхъ усилій съ извѣчными завѣтами жизни и исторической мудрости,—объ этомъ нерѣдко забываютъ даже и тѣ, кому ясна первая истина, какъ забыли и иные авторы *Взлхъ*, и потому объ этомъ, въ дополненіе къ сказанному выше, въ началѣ пастоящихъ размышленій, слѣдуетъ прибавить нѣсколько словъ.

Покойный Вл. С. Соловьевъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ (т. II, стр. 261), между прочимъ, говоритъ:

„Въ абсолютномъ никакихъ реформъ не полагается, а для конечнаго бытія возвращеніе его къ вѣчной истинѣ есть

безспорно наилучшая реформа, какъ это прекрасно показано въ евангельской притчѣ о блудномъ сынѣ: вся его „органическая реформа“ состояла только въ томъ, что онъ рѣшилъ возвратиться въ отчій домъ и исполнилъ это рѣшеніе“.

Замѣчательныя слова, которыя именно теперь, когда всё мы охвачены какъ бы какою-то реформаціонною горячкою, слѣдовало бы какъ можно чаще себѣ напоминать!

„Отчій домъ“, въ высшемъ смыслѣ слова, въ какомъ принимаетъ его христіанское сознаніе, есть царство Отца небеснаго, котораго-мы чаемъ въ грядущемъ откровеніи славы Божіей, а по предваренію—жизнь вѣрующихъ въ Богъ и для Бога, въ сокровенныхъ тайникахъ души. Но христіанство учить, что и земная дѣйствительность не лишена дѣйствительности небесной и нѣкоторыхъ явленій славы Божіей. Все зиждительное въ исторіи человѣческой и міровой; все, угашавшее людскую ненависть и вражду, раздѣленія и раздоры; все, въ чемъ чувствуется трепетаніе высшей истины и правды, отблескъ „вѣчной“ красоты и угашающаго человѣчскія страсти добра; все истинно великое и героическое, благодаря чему народы оказывались въ состояніи переживать и переживали историческія катаклизмы и потрясенія: все это истекаетъ изъ того же источника, есть какъ бы отсвѣтъ изъ „Отчяго дома“, излученіе въ хаосъ нашей бѣдной и несовершенной земной дѣйствительности началъ творческихъ, отчески-попечительныхъ или, говоря богословскимъ языкомъ, промыслительныхъ. И если бы мы сдумѣли подняться, хотя бы лишь своею мыслью и своими желаніями, особенно же своими рѣшимостями и дѣломъ, въ область этого свѣта, не нами самопроизвольно возжигаемаго, но сходящаго свыше, и въ этомъ именно свѣтѣ стали бы разсматривать наши земные и преходящіе, — иногда уже слишкомъ преходящіе, — интересы, опасенія и заботы, страхи и надежды: то, безъ сомнѣнія, ихъ острота, столь насъ удручающая и столь препятствующая объективно-спокойному и трезво-разсудительному къ нимъ отношенію, тотъ-часъ же понизилась бы, а въ иныхъ случаяхъ просто упала бы до нуля. Тогда, и среди подвижности, и хаоса современности, мы сдумѣли бы найти, для своихъ стремленій и начинаній, надежную точку опоры...

Изъ устъ людей, особенно интенсивно пережившихъ охарактеризованный нами выше „переломъ“, за самое послѣднее время мы слышимъ рѣчи о нѣкоторой *новой правдѣ*, по началамъ которой должна-де впредь устроиться и устроиться у насъ жизнь.

Наша исконная „народная“ правда,—правда, имѣвшая свои корни въ православномъ христіанствѣ и опредѣлявшая *потустороннимъ* идеаломъ всѣ земныя отношенія, правда, которую, худо-ли хорошо-ли, столько вѣковъ держалась русская государственность, стояла и цвѣла наша внѣшняя мощь,—эта правда, говорятъ ¹⁾, теперь уже отжила свое время и не воскреснетъ. Съ другой стороны, и такъ называемая „интеллигентская“ правда,—правда, стремившаяся опредѣлить всѣ человѣческія отношенія идеалами исключительно *постусторонними*, идеалами раціональнаго приближенія къ равномѣрно всеобщему земному благополучію и довольству, — также потерпѣла, говорятъ, окончательное крушеніе въ критическіе революціонные годы. Остается, будто бы, такимъ образомъ, искать *новой правды*, третьей, искать гдѣ нибудь въ направленіи къ Кантовскимъ императивамъ, преломленнымъ чрезъ наше русское сознаніе, въ *разумной автономіи*, которая бы позволяла человѣку свободно и „оправданно“ удовлетворять свою потребность въ самонасыщеніи, подъ условіемъ ограниченія этой потребности такими же потребностями другихъ, какъ это-де мы и видимъ на западѣ...

Но, во-первыхъ, точно ли наша „старая правда“, умерла въ народномъ сознаніи и не воскреснетъ?.. Можетъ быть она не умерла, а только лишь замерла, вслѣдствіе нашего небреженія ею?

Во-вторыхъ, точно ли на западѣ все такъ хорошо устроилось, какъ намъ рассказываютъ наши стоустые панегиристы запада?.. Развѣ мы не видимъ и тамъ также своихъ „грѣховъ и болѣзней“, противъ которыхъ мудрейшіе и дальновиднѣйшіе политики видятъ лишь одно средство,—оживленіе въ сознаніи народовъ началъ все той же, столь высоко-мѣрно третируемой теперь у насъ „старой правды“?

¹⁾ См. книгу г. Гурта: „Почему зашаталась Россія? Бывшая русская правда и будущая“. Спб. 1900, стр. 1—230.

Нѣтъ, не отказываться, торопливо и легкомысленно, отъ „старой правды“, которая не только не изжита, но и не можетъ быть изжита, такъ какъ это *правда вѣчная*, но сосредоточить всѣ силы разума на оживленіи этой полузабытой нами правды въ личномъ и общественномъ сознаніи, на проведеніи ея, послѣдовательномъ и детальномъ, въ современную мысль, въ господствующія настроенія, въ живыя практическія отношенія: вотъ настоятельное требованіе, впускаемое всякому серьезно мыслящему человѣку создавшимся у насъ положеніемъ вещей, и вотъ единственный путь къ выходу изъ состоянія хаоса и смуты, среди которыхъ мы живемъ.

Труженики науки богословско-философской, самымъ положеніемъ своимъ призванные къ тому, чтобы освѣщать бѣдную и несовершенную земную дѣйствительность свѣтомъ Божественной истины и разяснять пути къ ея устроенію, указанныя въ Откровеніи, могли бы, и съ своей стороны, содѣйствовать осуществленію этой задачи, особенно настоятельно ставимой именно нашимъ временемъ.

Алексій Введенскій.
